

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. Г. Айвазова

Гендерное гражданство
и гражданская активность
в современной России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Aivazova_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**ГЕНДЕРНОЕ ГРАЖДАНСТВО И ГРАЖДАНСКАЯ
АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Светлана Григорьевна АЙВАЗОВА

доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
Институт социологии РАН,
Москва

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

Исследовательский комитет РАПН по гендерным исследованиям.

Специальное заседание:

Т39-2 «Гендерные стереотипы, их разновидности и возможности реконструкции».

21 ноября 2009 г.

Формально каждый гражданин современной России – как мужчина, так и женщина имеют равный гражданский статус. Однако в реальных практиках повседневности возможности использовать этот равный гражданский статус и в сфере экономики, и в сфере политики, и в сфере государственного управления для мужчин и женщин существенно различаются – эти возможности по традиции остаются гендерно асимметричными.

Вместе с тем, метод включенного наблюдения позволяет утверждать, что, скажем, в отличие от сферы политики, отданной в основном на откуп мужчинам, присутствие женщин в сфере гражданской активности является гораздо более массовым. Более того, зачастую женщины играют ведущие роли во многих общественных организациях и даже возглавляют их. Такая массовая включенность женщин дает основание рассматривать сферу гражданской активности как некое экспериментальное пространство, исследование которого, со своей стороны, способно объяснить, при каких условиях происходит ослабление традиционного гендерного уклада, наращивается потенциал демократических изменений. Данное исследование, в числе прочего, предполагает проблематизацию следующих тематических сюжетов:

каким образом представления об общественной деятельности, по традиции считающейся «естественной» для мужчин и «не-естественной» для женщин, меняются в зависимости от ситуации и контекста – то есть от включенности в разные типы гражданской активности;

какие типы гражданской активности в большей (или меньшей степени) способствуют обеспечению гражданского равноправия, иначе говоря, качественно меняют характеристики гендерного взаимодействия;

как (и в какую сторону) под воздействием различных форм гражданской активности изменяются (или нет) гендерно разведенные ценностно-нормативные установки («гендерные разрывы»).

Прежде чем приступить к конкретному анализу этих сюжетов, сделаем несколько значимых, на наш взгляд, предварительных замечаний. Начнем с понятийных ориентиров в весьма обширном поле современных исследований как о «гражданстве» вообще, так и о «гендерном гражданстве»¹. И в этой связи уточним, что «гражданство» означает для автора данной работы совокупность прав и обязанностей, которые принимают на себя индивиды - по отношению друг к другу, к обществу и государству. Такое «принятие»

¹Таких исследований довольно много как на Западе, так и в России, поэтому отметим только два из них, которые представляются нам наиболее плодотворными для дальнейших размышлений над избранной темой: Российский гендерный порядок: социологический подход. Колл. монография под ред. Е. Здравомысловой, А.Темкиной. Санкт-Петербург. ЕГУ.2007; Plummer K. Intimate citizenship: Private decisions and public dialogues. Seattle: University of Washington Press. 2003

прав и обязанностей – принятие добровольное и осознанное - наделяет индивида качеством субъекта правоотношений или «гражданина» в противовес качеству «подданного» или объекта властных отношений. Если подданный пассивно соглашается с тем, что происходит вокруг него – в обществе и государстве, то гражданин сознательно и активно относится к социально-политическим процессам.

Теперь остановимся на менее распространенном понятии «гендерное гражданство». Оно было введено исследователями² для обозначения категориального неравенства в позициях мужчин и женщин по отношению к гражданству как режиму правовой защиты личности, а также пространству реализации гражданских и политических прав и свобод. Авторитетный американский политолог Чарльз Тилли называет категориальным неравенством «отношения между лицами или группами лиц, когда в результате их взаимодействия одна группа получает большие преимущества, чем другая»³. Добавим к этому определению, что «категориальное неравенство», о котором говорит Ч.Тилли, есть, по сути, неравенство в обладании статусом гражданина. И что само это явление исторически обусловлено – оно во многом порождено парадоксами великих буржуазных революций. Последние, как известно, проходили под лозунгом «Свобода, равенство, братство», который являлся предельно лаконичным выражением требования «гражданства» для всех или «общественного договора», призванного уравнивать всех членов общества перед лицом закона. Но на практике эти революции отказали в равенстве людям неимущим, представителям не белой расы, женщинам. Зазор между теоретическими обоснованиями универсальной либеральной идеи «гражданства», закрепленного «общественным договором», имплицитно предполагавшим наделяние всех членов общества равным гражданским статусом, и его практическим воплощением в правовую систему с целой серией исключений из универсальных правил, и спровоцировал развитие различных социальных движений современности (включая женское движение). Эти движения со временем превратились в наиболее динамичные формы гражданской активности.

Каждое из них по-своему добивалось для своих участников доступа к гражданским правам – или, по словам одного из крупнейших современных мыслителей Р.Дарендорфа, «гарантированного гражданского статуса как высшего воплощения жизненных шансов», включающего не только равенство прав, но и равенство возможностей⁴. Р. Дарендорф справедливо обращал внимание на следующее обстоятельство: «Долгое время аристотелевское положение о том, что женщины «по

² См., в частности: Walby S. Is Citizenship Gendered? \ Sociologie. 1994. Vol.2, N 2.

³ Тили Ч. Демократия. М.: АНО «Институт общественного проектирования». 2007. С.137

⁴ Там же. С. 53

природе», может быть и не люди второго сорта, но все же должны находиться у домашнего очага, а не на рыночной площади гражданской общественной жизни, господствовало в государственной философии. Движение суфражисток привязало требование гражданских прав к вопросу об избирательном праве и в конце концов, после Первой мировой войны, добилось успеха в большинстве развитых стран. Однако дискриминация, превращающая женщин в «граждан второго класса», сохранилась и сохраняется до сих пор. Ее формы изощренны и малозаметны, но весьма заметно их действие. Так что и здесь требования позитивных сдвигов остаются частью современного движения за гражданские права»⁵.

Именно эта система гендерного взаимодействия, как бы по определению наделявшая мужчин качеством «гражданственности» и требовавшая специального обоснования для признания этого же качества за женщинами, и привела, в конечном счете, к маркированию гражданства по признаку пола. Что, в свою очередь, стало основанием для введения понятия «гендерное гражданство». Добавим попутно: с этой точки зрения, совершенно справедливым представляется утверждение российского политолога О.Ю.Малиновой о том, что вектор развития института гражданства в условиях современности связан со стремлением не столько к обретению *универсального* статуса, сколько к его *дифференциации*⁶.

Другое значимое понятие для исследуемой темы – «гендерные разрывы». Это понятие используют при анализе существенных различий в гражданском и политическом поведении мужчин и женщин, а также - расхождений в их общественно-политических взглядах, убеждениях, ценностях, предпочтениях. Очевидно, что возникновение гендерных разрывов исторически обусловлено - ведь практически повсеместно женщины получили гражданские и политические права намного позже, чем мужчины. А получив их, довольно долго «учились» ими пользоваться – привыкали ходить на собрания и митинги, голосовать в соответствии со своими интересами и т.д. То есть, фактически гендерные разрывы фиксируют особенности перехода индивида того или иного пола от культуры подданнической к культуре гражданственности. Сегодня показатели гендерных разрывов в различных странах во многом определяются гендерной чувствительностью их законодательства, особенностями политической культуры,

⁵ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы. М.:РОССПЭН. 2002. С. 52.

⁶ О.Ю.Малинова. Гражданство, права человека и изменчивые векторы модернизации.\\ <http://www.pgpalata.ru/reshr/grow/09.shtml>

направлением общественно-политического развития. Один из столпов американской социологии Р. Инглхарт справедливо отмечает, например, что «различиям по полу при исследованиях электорального поведения не придается такого значения, как различиям классовым или религиозным. Однако они являются одним из факторов, всерьез влияющих на электоральную основу партийной политики»⁷.

Для России гендерные особенности гражданских позиций, политического поведения наших сограждан – тема относительно новая. Скажем, гендерное измерение политического процесса стало здесь чем-то очевидным с выходом в начале 90-х гг. на политическую сцену общественно-политического движения «Женщины России»⁸. С этого момента и официальная статистика, и социологические службы, и эксперты постепенно начинают принимать во внимание гендерную неоднородность корпуса избирателей⁹. В то же время довольно близкий вопрос о гендерных разрывах в пространстве гражданских инициатив, гражданского действия и гражданского участия остается пока слабо изученным. Автор данной работы обратился к этому сюжету в ходе реализации научного проекта¹⁰, посвященного анализу ценностно-нормативных изменений, происходящих в среде гражданской активности в современной России.

Задача проведенного в рамках этого проекта очень небольшого исследования состояла в том, чтобы выявить динамику сокращения (или расширения) гендерных разрывов по мере вовлечения женщин и мужчин в различные формы общественно-политической активности. Эта задача потребовала разделения респондентов, отвечавших на наши вопросы, на три группы: *неактивных граждан, граждан-общественников, поддерживающих общественные инициативы и общественные организации, граждан,*

⁷ См.: R. Inglehart, P. Norris. The development theory of the gender gap: women and men's voting behavior in global perspective // Revised version for the international politics science review special issue on women in politics. Institute for social research. University of Michigan. - May 15, - 1999. С. 4

⁸ Подробнее см.: Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова. 1998. С. 126-127.

⁹ См., в частности: Российские политические партии и общественные объединения на выборах в Государственную Думу -95. М.: Юридическая литература. 1995; Мелешкина Е.Л. Политические ориентации и электоральное поведение женщин Самарской области. // Женщина в зеркале социологии. Иваново. 1997. С. 103-113; Адриенкова А.Г. Представительство женщин в парламентах России и Украины. // Социс. 2000. № 11. С. 117-128; Варданян Р.А. Женский электорат России. // Народонаселение. 2000. № 2. С. 17-25. Позже появилась работа Кочкиной Е.В. Российский электорат: обретение гендерных различий. // Гендерные стереотипы в современной России. М: МАКС Пресс. 2007. С. 247-275.

¹⁰ Проект «Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации», выполненный коллективом исследователей Института социологии РАН под руководством профессора С.В. Патрушева в 2006-2008 годах при поддержке РГНФ (проект № 06-03-00190а). В рамках проекта в августе – сентябре 2006 года методом «снежного кома» было опрошено 818 человек в 16 регионах России. В числе опрошенных: 441 человек – активисты различных общественных и общественно-политических организаций и 377 человек – не вовлеченных в гражданскую активность. 46% опрошенных – мужчины; 54% опрошенных – женщины (соотношение, сопоставимое с разделением всей совокупности российского населения по полу).

либо имеющих опыт деятельности в организациях, которые занимаются *политическими* вопросами, либо участвующих в акциях политического характера - демонстрациях, митингах и т.п. (*политически активных*). Каждая из этих групп – неактивные граждане, общественники, политически активные, в свою очередь, была разделена по признаку пола.

Ответы наших респондентов на большую часть вопросов, связанных как вообще с политикой, так и с текущим политическим процессом, массовыми протестными выступлениями, как и предполагалось, обнаружили наличие у них весьма серьезных гендерных разрывов. Но проявлялись эти разрывы в каждой из трех выделенных нами групп совершенно по-разному. Попытаемся это показать и начнем с анализа ответов на самый общий из заданных нами вопросов.

Вопрос: *Интересуетесь ли Вы политикой?*(% от числа опрошенных)

	Неактивные		Общественники		Политики	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>Очень интересуюсь</i>	6	5	12	6	60	43
<i>Весьма интересуюсь</i>	15	20	29	11	31	28
<i>Не очень интересуюсь</i>	53	48	40	57	4	20
<i>Совсем не интересуюсь</i>	18	20	12	19	2	8
<i>Затрудняюсь ответить</i>	7	7	8	5	3	0

Даже не слишком внимательный взгляд на данные этой таблицы позволяет увидеть, что среди неактивных лиц существует некое гендерное единодушие: интересуется политикой меньшинство из них – только каждый пятый мужчина (21%) и каждая четвертая женщина (25%).

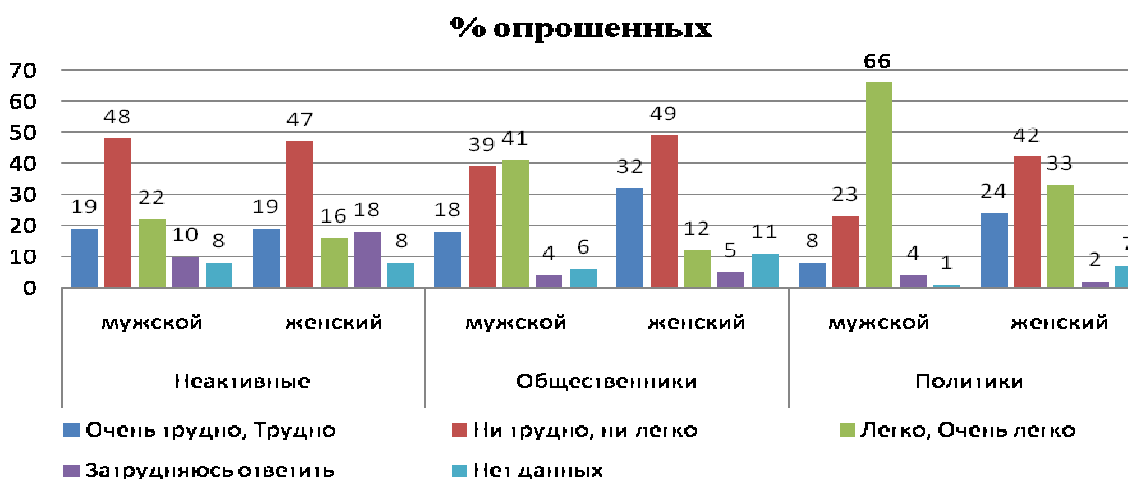
В то же время в группе общественников мы получаем парадоксальный результат. Интерес мужчин к политике резко возрастает, в то время как интерес женщин, напротив, падает: 45% мужчин и только около 17% женщин из этой группы интересуются политикой. Гендерный разрыв их позиций достигает крайне высокого уровня в 28%.

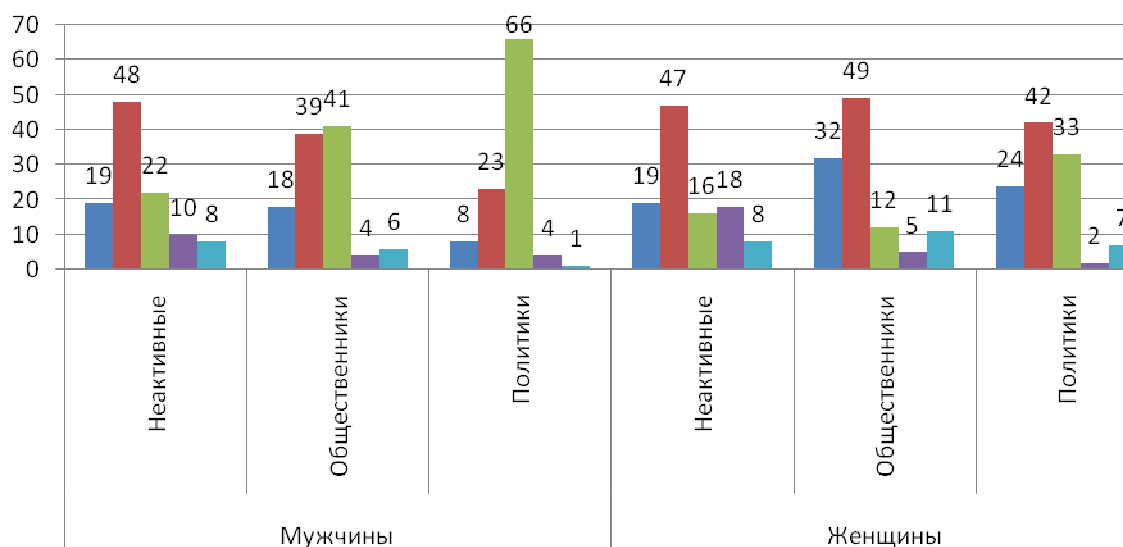
Естественно, что в группе политически активных граждан интерес к политике резко возрастает: ею интересуются 91% мужчин и 72% женщин. Однако и в этом случае гендерный разрыв дает о себе знать: 6% мужчин и значительно больше - 28% женщин из этой группы политикой не интересуются. Это значит, что в данном вопросе гендерный фактор сохраняет свое значение для позиционирования наших респондентов, но совершенно очевидно и явное влияние политической активности на изменения позиций женщин и мужчин.

Но это - не единственный вывод, который можно сделать, анализируя ответы респондентов на данный, едва ли не самый простой из вопросов политической социологии. Разделив респондентов по признаку пола, мы получили, исходя уже из гендерно дифференцированных ответов, совершенно неожиданный результат. Стало очевидно, что переход мужчин сначала к общественной, а затем – к политической активности приводит к постепенному, плавному нарастанию их интереса к публичной политике. У женщин аналогичный переход выглядит совершенно иначе. Общественная активность сопровождается у них очевидным падением интереса к политике. Полученные нами данные говорят о том, что неактивные женщины интересуются политикой даже больше, чем общественницы. И только включение женщин в сферу общественно-политической деятельности приводит к резкому повышению их интереса к политике. Однако и в этой сфере сохраняется достаточно значимый гендерный разрыв в уровне интереса мужчин и женщин к политике.

Попробуем уточнить, сохраняются ли выявленные нами тенденции в ответах респондентов на более конкретные вопросы. В числе других респондентам был задан вопрос: «Насколько для Вас трудно или легко составить собственное мнение по политическим вопросам (политическим дебатам, спорам)?».

Ответы наших респондентов разделились следующим образом:

Судя по полученным данным, компетентность мужчин возрастает в прямой зависимости от характера их гражданской активности: составить свое мнение по политическим вопросам легко для 22% неактивных мужчин, 41% общественников и 66% политически активных мужчин. И снова совершенно очевидно, что данная зависимость вовсе не линейна для женщин: легко составляют свое мнение по политическим вопросам среди неактивных 16% женщин, среди общественниц – только 12%, но уже 33% - среди «политизированных» женщин. Это значит, что на гендерный фактор начинает накладываться фактор социальной активности, который меняет значимость гендерного влияния: почти в два раза по сравнению с неактивными женщинами и почти в три по сравнению с общественницами вырастает процент тех женщин, вовлеченных в политику, которые начинают в ней легко разбираться.

В числе прочего мы попытались оценить, в какой мере воздействуют эти два фактора – гендерный и активистский - на такую важнейшую форму политического участия граждан как парламентские выборы. Можно ли в ответах наших респондентов на соответствующие вопросы обнаружить сколько-нибудь очевидный сдвиг от воздействия гендерного фактора на выбор респондентов к воздействию фактора их социальной активности (общественной и политической)? Оценка происходила на основе сопоставления их ответов на несколько вопросов, включая следующий:

Вопрос: «Сегодня по той или иной причине некоторые люди не голосуют. Голосовали ли Вы на выборах в Государственную Думу в 2003 году?»

(% от числа опрошенных)

	Неактивные		Общественники		Политики	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>Да</i>	46	47	58	52	68	72
<i>Нет</i>	47	42	39	34	27	18

<i>Не имею права голосовать</i>	6	8	4	12	5	10
<i>Нет данных</i>	2	2	0	2	0	0

По данным этой таблицы, в группе неактивных респондентов чуть больше мужчин, чем женщин, заявили о том, что они не голосовали на выборах. В группе общественников явно вырастает доля тех, кто голосовал на выборах. Но вырастает она разными темпами: с 46% до 58% у мужчин и с 47% до 52% у женщин. В то же время установка на участие в выборах становится ярко выраженной в группе политически активных граждан, достигая 68% у мужчин и даже чуть больше - 72% у женщин. Эти данные, отчетливо показывают, что среди женщин меньше недисциплинированных, воздерживающихся от голосования избирателей, чем среди мужчин. Но главное заключается, пожалуй, в том, что эта таблица совершенно недвусмысленно демонстрирует, как фактор политической активности начинает нивелировать воздействие гендерного фактора на поведение избирателей. В позициях, как неактивных, так политически активных мужчин и женщин, гендерные разрывы существенно менее значимы, чем по всему корпусу избирателей.

Ответы наших респондентов на вопрос о том, участвовали ли они в президентских выборах, дополнительно подтверждают эти тенденции.

Вопрос: Голосовали ли Вы на последних президентских выборах?

(% от числа опрошенных)

	Неактивные		Общественники		Политики	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>Да</i>	59	60	62	60	68	70
<i>Нет</i>	33	28	31	27	26	20
<i>Не имею права голосовать</i>	6	11	8	10	6	10
<i>Нет данных</i>	2	1	0	4		

В ответах на этот вопрос гендерные различия по группам респондентов практически исчезают: сопоставимые группы мужчин и женщин и среди неактивных граждан, и среди общественников, и среди политически активных заявили о своем участии в выборах. Очевидно, что основную роль в самоопределении наших респондентов начинает играть в данном случае не гендерный фактор, а фактор активности. Разрыв в показателях участия в президентских выборах особенно заметен при сопоставлении ответов неактивных и политически активных респондентов. Очевидно и то, что самую высокую степень абсентеизма демонстрируют неактивные мужчины, а самый высокий уровень

участия в выборах – политически активные женщины. Таков результат наложения двух рассматриваемых нами факторов – гендерного и активистского.

Следующая серия наших вопросов должна была выявить уровень политической ангажированности наших респондентов, их заинтересованности в деятельности политических партий. Как проявилось в их ответах на такие вопросы влияние двух вышеназванных факторов?

Вопрос: *Есть ли в России политические партии, которые действуют в интересах таких людей, как Вы? (% от числа опрошенных)*

	Неактивные		Общественники		Политики	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>Да, есть</i>	41	28	50	39	66	48
<i>Таких партий нет</i>	52	64	40	57	32	42
<i>Затрудняюсь ответить</i>	1	2	2		2	
<i>Нет данных</i>	6	6	8	5		

Как показывает эта таблица, в группе неактивных граждан гендерный разрыв в ответах на данный вопрос весьма значителен: 41% мужчин и только 28% женщин считают, что в России есть политические партии, действующие в их интересах. В тоже время 52% мужчин и 64% женщин отвечают на этот вопрос отрицательно. В группе общественников число мужчин, положительно ответивших на данный вопрос, по сравнению с числом неактивных мужчин, вырастает на 9%, число женщин – на 11%. В группе политически активных граждан, естественно, отмечается значительный рост доли тех мужчин и женщин, которые считают себя ангажированными одной из российских политических партий. Однако в целом, очевидно, что женщины во всех трех группах респондентов гораздо сильнее мужчин ощущают себя непредставленными, «чужими», в поле политики. И социальная активность в данном случае не может существенно сказаться на влиянии фактора гендерного. Это вполне объяснимо – ведь российские политические партии мало озабочены тем, как живут российские женщины, и не включают «женский вопрос» в число своих приоритетов.

Намерены ли наши респонденты существенно повлиять на эту ситуацию? Например, вступить в ту или иную партию, которая им нравится, чтобы изнутри усилить ее и активнее влиять на выбор ее приоритетов в пользу таких людей, как они сами? Чтобы уточнить позицию наших респондентов, мы задали им следующий вопрос:

Вопрос: *Задумывались ли Вы о возможности стать членом такой партии? (% от числа ответивших положительно на предыдущий вопрос)*

	Неактивные		Общественники		Политики	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>Да</i>	15	13	33	10	69	50
<i>Нет</i>	83	81	62	2	22	35
<i>Нет данных</i>	6	6	6	10	9	2

Судя по данным этой таблицы, неактивные мужчины и женщины в преобладающем большинстве не собираются вступать в партию, действующую в их интересах. В их случае гендерный фактор явно менее значим, чем фактор социальной активности (или точнее - не-активности). В то же время в группе общественников обнаруживается влияние и фактора гендера, и фактора активности: 33% мужчин готовы вступить в «свою» партию. Такую же позицию выбирают только 10% женщин. В группе политически активных эта тенденция усиливается: две трети мужчин и половина женщин готовы вступить в «свою» партию.

Эти показатели, в совокупности с приведенными выше наблюдениями по поводу воздействия общественной активности на позиции мужчин и женщин вынуждают нас предположить, что гражданская активность мужчин быстрее сказывается на их самоопределении в поле политики, в то время как позиции женщин, занятых общественной деятельностью, провоцируют у них усиление конформистских позиций. В свою очередь, участие в общественно-политической деятельности скорее нивелирует воздействие гендерного фактора, и потому не разводит, а, напротив, сближает позиции мужчин и женщин.

Существуют ли столь же явные переходы от значимости гендерного фактора к значимости фактора гражданской активности в ценностных ориентациях наших респондентов? Чтобы выяснить это, мы попытались найти расхождения в их позициях по отношению к такому важнейшему показателю общественных изменений как накопление социального капитала. Социальный капитал, как известно, обеспечен, в первую очередь, нормой доверия к другим людям, без чего невозможны ни гражданская активность, ни эффективно работающая демократия. В ходе нашего опроса мы сделали свой замер этого показателя, предложив респондентам ответить на следующий вопрос:

Вопрос: *Исходя из Вашего опыта, какое из двух суждений Вы считаете более обоснованным: людям можно доверять, с людьми надо быть поосторожнее? (% от числа опрошенных)*

	Неактивные		Общественники		Политики	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
	ы	ы	ы	ы	ы	ы
<i>Людям можно доверять</i>	26	31	35	27	46	45
<i>С людьми надо быть поосторожнее</i>	73	68	62	71	52	48

Нет данных	1	2	4	2	3	7
------------	---	---	---	---	---	---

Таблица показывает, что в группе неактивных граждан уровень социального доверия совпадает со средним российским показателем, который составляет около 25%. По нашим данным, как и по усредненному российскому показателю, также получается, что две трети неактивных мужчин и женщин не склонны доверять людям. Хотя среди женщин все-таки больше тех, кто считает, что людям можно доверять (31%). Переходя к ответам в группе общественников, в очередной раз отметим, что потенциал доверия у мужчин вырастает до 35%, но у женщин-общественниц он понижается до 27%. Самый высокий уровень доверия обнаруживается в группе политически активных граждан: склонны доверять людям почти половина мужчин и женщин, при весьма незначительных гендерных различиях. При этом, как бы на полярных позициях оказываются неактивные мужчины и политические активные женщины: 73% первых и только 48% вторых считают, что «с людьми надо быть поосторожнее».

Совершенно очевидно, что деятельность в политически окрашенных общественных организациях, участие в политических акциях способствует значительному приращению социального капитала доверия не только у мужчин, но и у женщин.

Особый интерес для нашего исследования представляли ответы респондентов на вопросы, с помощью которых можно было определить склонность мужчин и женщин к авторитарным либо демократическим решениям, то есть, степень демократичности их социального сознания. В числе других им был задан следующий вопрос.

Вопрос: *Согласны ли Вы со следующим суждением: Подлинные решения проблем находятся не в результате дискуссий, а благодаря воле и уму нескольких сильных и опытных людей (% от числа опрошенных)*

	Неактивные		Общественники		Политически активные	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Согласен	68	64	58	61	47	48
Не согласен	24	27	40	30	53	45

Мы видим, что в группе неактивных граждан две трети мужчин (68%) согласны с тем, что подлинные решения – плод деятельности сильных и опытных людей. Этот выбор, по сути, означает их явную склонность к авторитаризму. Той же позиции придерживаются 64% женщин. В группе общественников около 58% мужчин и 61% женщин также выбирают ответ «согласен», то есть придерживаются скорее авторитарных взглядов. Но среди мужчин на 10% больше оспаривающих эту позицию, чем среди женщин. Очевидно, что гражданская активность мужчин быстрее воздействует и на их

ценностные ориентации, сдвигая их на демократические позиции, чем это происходит у женщин.

В то же время в группе политически активных граждан больше половины мужчин и 45% женщин не согласны с этим утверждением, то есть, оспаривают сам принцип авторитаризма. Эти показатели дополняют наши предыдущие наблюдения и со своей стороны доказывают, что гендерный фактор не всегда является предопределяющим при выборе политических предпочтений. Совершенно очевидно, что ценностный выбор в значительно большей мере зависит не от признака пола, а от того, в какой мере совершающие его граждане – мужчины или женщины, вовлечены в гражданскую активность.

Попробуем подтвердить эти выводы и ссылкой на ответы наших респондентов на еще один вопрос, связанный с их системой ценностных предпочтений по той же оси координат «демократия-авторитаризм».

Вопрос: *Согласны ли Вы со следующим суждением: Простые люди не должны участвовать в выработке и принятии политических решений, это дело политиков (% от числа опрошенных)*

	Неактивные		Общественники		Политически активных	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Согласен	38	34	31	33	17	23
Не согласен	58	56	67	58	78	75
Нет данных	5	10	2	10	5	2

Судя по полученным ответам, в группе неактивных чуть более половины мужчин и женщин не согласны с тем, что простые люди не должны участвовать в принятии решения. В группе общественников 67% мужчин не согласны с тем, что простые люди не должны участвовать в принятии политических решений. Доля выбравших этот ответ женщин почти на 10% меньше. Тем не менее, более половины женщин – за участие в принятии политических решений. Однако в их ответах разрыва с позицией неактивных женщин фактически нет, а у мужчин – общественников сравнительно с неактивными мужчинами этот разрыв составляет почти 10%.

В группе политически активных преобладающее большинство: 78% мужчин и 75 % женщин высказываются за участие простых людей в принятии политических решений. Совершенно очевиден отрыв позиции политически активных женщин от позиций женщин из двух других групп и явно демократически ориентированный характер их ответов.

Теперь попробуем определить, каким образом в систему ценностей наших респондентов встроены не менее значимые и знаковые понятия «свобода» и

«солидарность». Связывают ли их между собой наши респонденты, и если связывают, то каким образом, в пользу ничем не обусловленной свободы как принципа праволиберального индивидуализма, или солидарности как надежной гарантии свободы (принцип левой, демократической субкультуры)?

Вопрос: *На Ваш взгляд, есть ли связь между солидарностью и свободой? (% от числа опрошенных)*

	Неактивные		Общественники		Политики	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>Солидарность и свобода несовместимы</i>	8	11	35	27	5	7
<i>Солидарность во многом ограничивает свободу</i>	33	21	31	28	14	18
<i>Солидарность надежнее всего обеспечивает свободу</i>	42	57	60	53	78	67
<i>Нет данных</i>	2	8	4	2	3	7

Читая таблицу, мы отмечаем, что в группе неактивных 42% мужчин и почти 57% женщин считают, что солидарность надежнее всего обеспечивает свободу, то есть придерживаются, скорее всего, левых взглядов. 33% мужчин против 21% женщин, проявляя склонность к либерализму, считают, что солидарность ограничивает свободу.

В группе общественников значительно большая доля мужчин (почти 60%) и меньшая, чем в группе неактивных, доля женщин (53%) связывают воедино солидарность и свободу. И только 31% мужчин и 28% женщин считают, что солидарность ограничивает свободу. То есть, обнаруживается своего рода парадокс: общественники придерживаются более индивидуалистических взглядов, чем неактивные женщины.

Среди политически активных 78% мужчин и 67% женщин поддерживают идею о том, что солидарность надежнее всего обеспечивает свободу. Разрыв в позициях женщин и мужчин этой группы явно менее значим, чем разрыв в позициях женщин этой группы с женщинами-общественницами и неактивными.

При столь разной системе взглядов, которую мы находим в позициях мужчин и женщин с разной степенью гражданской активности, закономерно выяснить, насколько они удовлетворены тем, как в России развивается процесс демократизации? И что в этом случае сильнее сказывается на уровне их удовлетворенности – гендерный

фактор или фактор социальной активности? С этой целью мы предложили респондентам найти свое место на шкале тех, кто удовлетворен демократией в нашей стране.

Вопрос: *Насколько Вы удовлетворены демократией в нашей стране? (в баллах: 0 - совершенно не удовлетворен, 10 – полностью удовлетворен)*

	Неактивные	Общественники	Политики
Мужчины	3,4	3,3	1,9
Женщины	2,6	3,6	2,1

Данные таблицы говорят о том, что средний балл удовлетворенных демократией в России среди мужчин довольно низок. И при этом он явно падает от группы к группе: от 3,4 у неактивных до 3,3 у общественников и особенно резко – до 1,9 - у политиков.

Динамика этого же показателя у женщин несколько иная: он низок среди неактивных женщин – 2,6, несколько выше у общественниц – 3,6 и падает до 2,1 у женщин - политиков.

Значимость гендерного фактора, со всей очевидностью проявляющаяся в этом выборе в группах неактивных и общественников, явно сдает позиции в пользу фактора политической ангажированности в группе политически активных граждан.

Заключая, отметим, что даже такой, очень предварительный анализ изменений, происходящих во взглядах и позициях женщин и мужчин по мере их включения в различные формы гражданской активности, позволяет обнаружить целый ряд значимых тенденций. Во-первых, ответы наших респондентов совершенно отчетливо показали, что среду гражданской активности в России можно рассматривать как пространство происходящих на наших глазах ценностно-нормативных изменений. В числе прочего эти изменения сопровождаются существенными сокращениями гендерных разрывов в ценностно-нормативных ориентациях наших сограждан и в их политическом выборе. Во-вторых, судя по полученным ответам, участие в таких формах общественной деятельности, которые не делают, скажем, особого акцента на защиту гражданских прав и свобод, по-разному сказывается на ценностном выборе и поведении активистов – мужчин и женщин. Позиции мужчин становятся, как правило, более социально критичными, позиции женщин – более компромиссными и конформистскими, что, в свою очередь, сопровождается усилением гендерных разрывов. В-третьих, включение в деятельность общественных организаций, имеющих политические задачи, участие в политически окрашенных гражданских акциях резко повышают значение этих практик в

самоопределении наших сограждан – как мужчин, так и женщин. Происходит очевидный отрыв от традиционалистских гендерных подходов и установок, отказ от подданнических культурных образцов в пользу демократических ценностей и норм. А вместе с этим обнаруживается почти полное исчезновение гендерных разрывов.

Почему динамика преодоления традиционной - подданнической модели политического выбора и поведения оказывается у мужчин более выраженной, более стремительной, чем у женщин? На наш взгляд, ответ на этот вопрос скрыт в особенностях традиционного, иерархически выстроенного гендерного порядка, предписывающего мужчинам быть субъектами политического действия, и одновременно навязывающего женщинам роль простого наблюдателя, по определению исключенного из сферы публичной политики. Возможно, поэтому первые же шаги в пространстве гражданской активности актуализируют «субъектные» свойства мужчин – свойства ответственного гражданина. Пробуждение этих же свойств у женщин требует специальных условий и усилий – и с их стороны, и особенно – со стороны демократически ориентированных гражданских организаций, политических партий и движений. Эти усилия должны быть направлены на размывание, переформатирование тех укорененных даже на бессознательном уровне, в глубинных пластах человеческой психики норм, ценностей, стереотипов, идеалов, которые предопределяют политическое поведение и политический выбор индивида, диктуя ему совершенно разные назначения - быть либо субъектом, либо объектом властных отношений. Пока этого не произойдет, гендерное гражданство, как и гендерные разрывы в социально-политическом поведении наших сограждан будут оставаться предметом специальных научных исследований.